

Борис Акимов: «Моя должность – не синекура»

В Великобритании прошел всемирный съезд балетных начальников

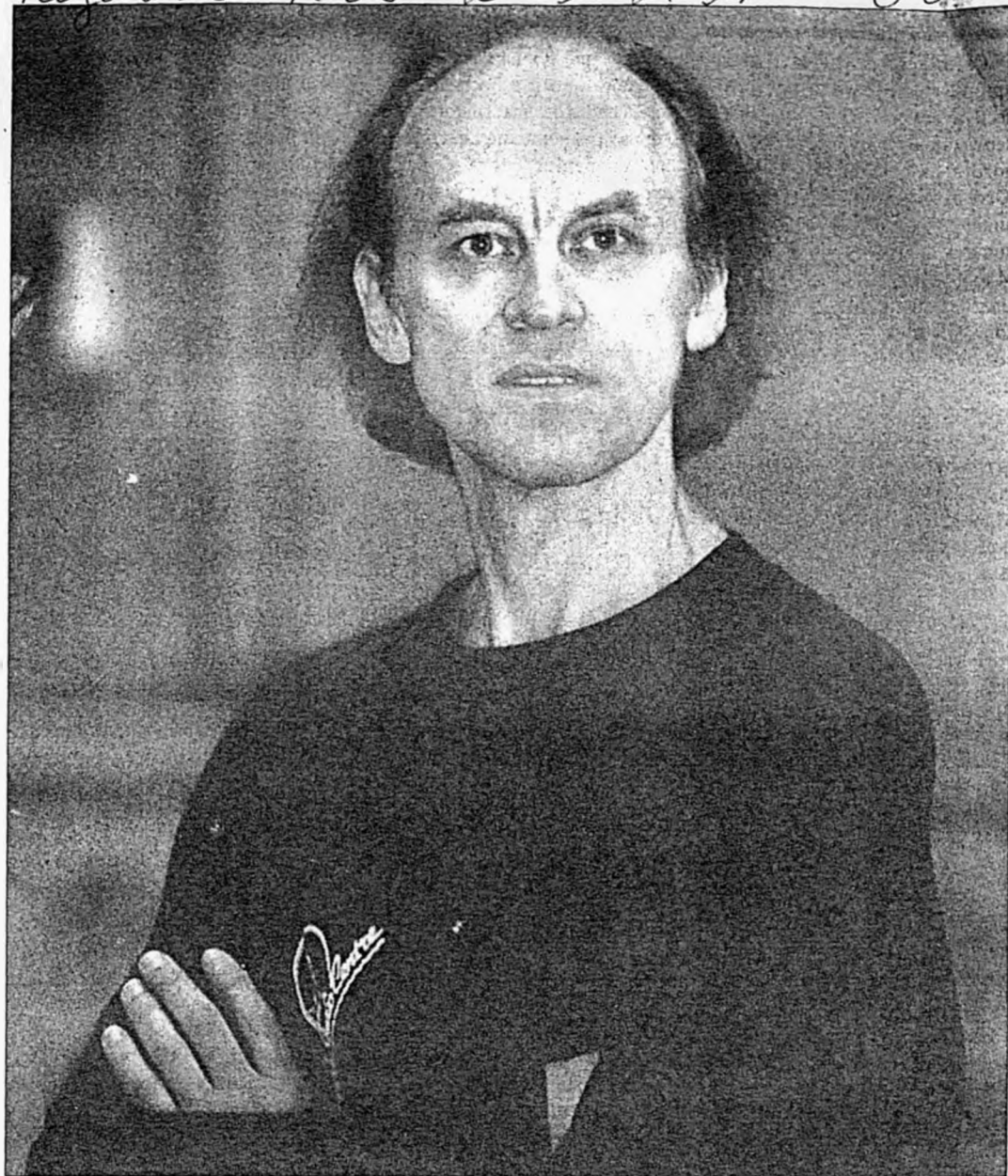
Независимая – 2003 – 21 янв – С 8.

Майя Крылова

Перспективы любого учреждения, в том числе и театра балета, напрямую зависят от политики его руководства. Двадцать пять директоров балетных компаний со всего мира встретились в английском графстве Суффолк, чтобы на трехдневном симпозиуме решить вопрос «Как жить дальше?». Россию (а в географическом смысле всю Восточную Европу вместе с Азией) представлял руководитель балета Большого театра Борис Акимов. О работе съезда он рассказал корреспонденту «НГ».

– Не все директора, приглашенные на симпозиум «Балет XXI века», смогли приехать в старинный городок Альдебург. Я знаю, например, что глава балета Парижской оперы Брижитт Лефевр очень хотела, но неотложные дела ей не позволили. Жаль, что отсутствовали представители Мариинского театра. Но состав участников был представительным: главы Американского театра балета, Национального балета Канады, Датского и Шведского Королевских балетов, Ковент-Гардена, Шотландской, Бостонской, Штутгартской и Баварской трупп, Балета Австралии, Финского, Норвежского и Голландского национальных балетов. Коллеги констатировали, что заканчивается эпоха директоров-хореографов, которые ставят балеты и одновременно руководят балетным театром. Сегодня большинство артистических директоров – бывшие танцовщики или педагоги. Это меняет смысл и содержание нашей профессии.

У всех нас хозяйства разных масштабов. В большинстве балетных трупп мира работают от 30 до 70 человек, большим коллективом считается балет Ковент-Гардена со штатом в 90. Когда я сказал, что у меня в Большом театре 230 артистов, все развели руками: «Как же ты с ними управляешься?» Но в руководстве балетом существуют общие узловые точки. Мы обсуждали права артистических директоров, проблему хореографов, уровень артистов, репертуар, поддержку деятельности художественного руководителя (имеется в виду финансы, советы директоров и т.п.). Выяснилось, что самая большая общая проблема – отсутствие молодых талантливых постановщиков. Есть много людей, которые способны грамотно соединять балетные па под музыку, но мало таких, кто мог бы поставить эмоционально увле-

Борис Акимов руководит одной из самых больших балетных трупп в мире.

Фото Дмитрия Куликова

кательный балет, а не бездушную машинерию ногами. (К счастью, я договорился с чуть ли не единственным молодым хореографом, к которому балетные труппы мира стоят в очередь. Тридцатилетний Кристофер Уилдон осенью будет ставить «Золушку» в Большом.)

Везде в мире трудно с танцовщиками: потенциально балетные мальчики в массовом порядке уходят в профессиональный спорт, где заработки гораздо выше. Нуждаются в корректировке и наши права руководителей. Мы даже обсуждали, не создать ли нам международную конфедерацию артистических директоров для защиты наших прав, но решили, что пока рано. Главы балета, как правило, не имеют права на ошибку. А мы должны иметь такое право, потому что из неудач вырастает успех. Коллеги из западных трупп мне говорили: «У вас есть госфинансирование, а значит, и средства на ошибку, а мы полностью зависим от частных спонсоров и кассы. И если выпущен неудачный балет, совет директоров меняет главу труппы».

Кроме того, во многих музыкальных театрах мира количественно преобладает опера, ей дают больше денег, оперным премьерам платят больше, чем звездам балета, и т.п. Все это накладывается на проблему с финансами. Сидит бедный худрук с копейками в кармане, ломает голову, как их лучше потратить. И трижды подумает, прежде чем идти на репертуарные новации. На дворе эпоха глобализма, что в нашем деле означает: в разных театрах мира идет одно и то же. Везде «Манон» Макмиллана, сейчас, после московской постановки, в мире обвал «Тщетной предосторожности» Аштона. Или балеты Баланчина, Форсайта. Приезжаю я преподавать в один европейский город – там премьера баланчинского «Аполлона», еду в другой – то же самое. Вот она, боязнь риска.

Мы обсуждали оптимальное соотношение классики и современной хореографии на афише. Существуют традиции, которые обязывают: у нас – Пети-па, в Дании – Бурнонвиль и т.д. С точки зрения посещаемости «Жизель», «Щелкунчик»

или «Лебединое озеро» в Европе и в Америке гораздо более популярны, чем новейшие балеты. Тем не менее статистика здесь не решает. Театр – живой художественный организм, а не музей древностей. Кстати, я это говорил, когда обсуждалась проблема редакций классических спектаклей: в мире множество неудачных вмешательств в старые балеты, но запрещать «трогать наследие» бессмысленно. Редактируют (с разной степенью приемлемости) потому, что время меняется, восприятие тоже. Но не ломают же признанные шедевры хореографии, меняют только озо-лочку вокруг них. Никто не трогает танцы теней из «Баядерки», гран-па «Раймонды» или второй акт «Лебединого озера».

Точных формул, как руководить балетом, нет. Но проблемы у всех одинаковые, и такая встреча очень полезна. У каждого накопилось напряжение, и директора были рады, что называется, поплакаться друг другу в жилетку: «Как здорово, что теперь я могу тебе позвонить и посоветоваться».